

Для тех, у кого дома остались престарелые матери или женщины, требовались особые условия: каждого нужно было проверять на порядочность. И Ши также переселил всех членов семей рабочих в город, чтобы иметь возможность присматривать за ними. Те, кто обладал мастерством, трудились в деревне, занимаясь виноделием, а их жены и дети в городе были сыты и одеты. Что же до одиноких, в ком И Ши не был уверен, их всех забирали в город на подсобные работы.

— Молодой господин, вы снова собираетесь тратить деньги? — Янь Ин стояла рядом с И Ши. Она следовала за ним по пятам, из-за чего многие по ошибке принимали её за хозяйку дома. Это смущало девушку.

— Верно. Чем больше потратишь, тем больше заработаешь.

— Как же заработать? — Янь Ин была любопытна. Всякий раз, когда она слышала слово «заработать», её глаза округлялись, а лицо выражало готовность учиться.

— Сейчас ресторан Сяньяо стал популярен, гостей много, но здание всего одно. Почему бы не построить ещё несколько, чтобы прибыль росла? — И Ши терпеливо объяснял ей. — Сяньяо стоит триста лян серебра, а другие маленькие ресторанчики? За пятьдесят лян можно купить несколько таких зданий.

Сегодня ресторан Сяньяо нуждался в расширении, чтобы удовлетворить спрос. Во всём Тайцзине сотни тысяч жителей, один ресторан всех не вместит.

— Янь Ин, сколько прибыли принёс ресторан за эти дни?

— Молодой господин, семьсот лян!

Он должен был с умом распорядиться этими деньгами, чтобы выбрать верное направление для инвестиций. Главная цель — покупка земли! Нужно прибрать её к рукам. Акр земли стоит недёшево, если покупать за семьсот лян сразу, можно разориться до нитки. Поэтому И Ши решил действовать гибко: получить как можно больше земли с минимальными затратами. Ему нужны были угодья для выращивания зерна и сельскохозяйственных культур вроде перца — своего рода «золотой жилы». Он хотел создать полную производственную цепочку: от источника сырья до переработки и продажи — всё должно принадлежать ему!

И Ши строил грандиозные планы. Когда всё производство сосредоточится в его руках, местным силам останется только бессильно наблюдать. Если они не прибегнут к грязным методам или административному давлению, им не сломить его.

— О, кстати, Янь Ин, ты узнала то, о чём я просил? — спросил И Ши.

— Хи-хи, господин, ещё вчера всё было готово, сейчас принесу. — Янь Ин на всех парах

побежала и принесла стопку донесений.

В этих бумагах содержались сведения о землевладельцах Бяньцзяна. Лучший способ раздобыть землю — это отобрать её у них. Будь то торговцы или чиновники, все они владели большими участками, разнились лишь источники их доходов. У семьи Юань Юаня тоже была земля, и немало, но их позиции слишком сильны, так просто не подступиться. Поэтому И Ши обратил взор на мелких помещиков: с крупными в короткие сроки не справиться, начинать нужно с малого. В Бяньцзяне немало мелких землевладельцев, а из тридцати с лишним тысяч населения десять тысяч составляли представители знати.

И Ши внимательно изучал документы. Там были данные о самых мелких владельцах земли в Бяньцзяне. Крестьяне тоже делились на категории. Богатые крестьяне имели свою землю и инструменты, обрабатывали её сами, но нанимали подёнщиков. Средние крестьяне обходились своими силами. Бедные крестьяне имели землю, но её не хватало, поэтому арендовали чужую, или не имели инструментов. Нищие же не имели ничего и работали в батраках. Те люди из «деревни новичков» были как раз нищими: у них не было ни земли, ни инструментов, даже помещики не хотели их брать.

При нынешней урожайности в Поздней Цинь десяти акров земли едва хватало, чтобы прокормить семью. А контрацепции не существовало, и в семье было явно больше четырёх человек. В Бяньцзяне дела обстояли получше: благодаря реке и множеству притоков урожайность была выше — около трёхсот цзиней с акра. Но этого всё равно не хватало. Два урожая в год с десяти акров давали три тысячи цзиней. И Ши из своих воспоминаний знал: в эпохи Тан и Сун налоги собирали дважды в год, летом и осенью, по душевому принципу — по два ши с каждого взрослого мужчины. Один ши равнялся ста пятидесяти цзиням.

Но Поздняя Цинь переживала упадок, двор утопал в роскоши. Говорили, что император тратил тысячи лян золота и серебра на изготовление пилюль бессмертия. Двух сборов налогов на всё не хватало, поэтому под предлогом войны на границе их повысили. Теперь собирали три раза в год, по три ши за раз. В семье из трёх взрослых мужчин каждый должен был сдать по четыреста пятьдесят цзиней. Сколько же оставалось им самим? Две жатвы давали шесть тысяч цзиней, три тысячи уходило на налоги, а остальное нужно было съесть и продать. И это в Бяньцзяне, где почва плодородна, а что творилось в других местах — страшно представить. Кто осмелится просить о снижении налогов?

— Этот человек... можно попробовать. — И Ши перечитывал бумаги и наконец выбрал цель.

Он смотрел на некоего Ян Кая. Одним словом его можно было описать так: глупый сынок землевладельца. Праздный, необразованный, транжира и заядлый игрок. Настоящий никчёмный человек. В семье было более двухсот акров земли, арендная плата составляла сорок процентов. С каждого акра собирали сто двадцать цзиней. Отец его был мелким помещиком, который копил деньги, а сын их бездумно тратил. Как только старик отправится на тот свет, разорение сына не заставит себя ждать. И, как на грех, господин Ян перенёс инсульт, а Ян Кай продолжал кутить и играть. Особенно он любил азартные игры и днями пропадал в игорных домах.

— Хм, игорный дом... — у И Ши внезапно возникла идея. Кажется, в Бяньцзяне это очень популярно. Люди здесь богаты, а богачи ищут развлечений, и азартные игры — одно из них.

— Игорный дом... — мысли И Ши хлынули потоком.

Чёрт возьми, уж чего-чего, а игорных домов он в своей прошлой жизни насмотрелся. Красивые крупье, ставки онлайн! Вся эта зараза, калечащая судьбы, постоянно мелькала в новостях, и И Ши кое-чему научился. Профессионалы анализировали: азартные игры эксплуатируют слабости человеческой психологии. Хочешь разбогатеть? Сначала дадут немного выиграть, потом заставят проиграть, снова дадут выиграть — создавая иллюзию: вот в следующий раз я точно сорву куш! Онлайн-казино работают именно так, они доведут тебя до нищеты, ведь исход игры решают они сами.

— Не хватает только красивой девушки-крупье... — И Ши развивал свою мысль, и глаза его загорелись.

— Янь Ин, где в Бяньцзяне можно найти девушек с приятной внешностью? — спросил он.

— Что?! Господин, ни в коем случае! Его Высочество точно вас кастрирует! — Янь Ин была в ужасе.

— ?

— Его Высочество приказал мне следить, чтобы вы не ходили по борделям и грязным местам искать увеселений! — Янь Ин говорила с предельной серьёзностью.

— Э-э, у меня не было таких мыслей, я хочу заработать денег.

— Заработать? Разве деньги зарабатывают в таких местах? Господин, не обманывайте меня. — Янь Ин покачала головой, не веря.

— Я серьёзно. Для следующего этапа нам нужна красавица. Не обязательно из борделя. Янь Ин, помоги мне найти девушек, которые умеют петь, танцевать и разбираются в искусстве.

— Э-э... — теперь пришла её очередь опешить.

Разбираться в музыке, шахматах, каллиграфии и живописи, да ещё уметь танцевать — кажется, кроме борделей, таких мест и нет. Благородные девицы танцам не обучаются.

— Не бойся, раз не веришь, пойдём со мной. — И Ши рассмеялся.

— Хорошо, но я напишу письмо Его Высочеству. — Янь Ин помедлила, но согласилась.

Она отправилась к осведомителям — они уже давно скрывались в Бяньцзяне, будучи профессиональными разведчиками. Вскоре они принесли дельную весть: самый большой бордель в Бяньцзяне называется Хуайцзян.

Выслушав всё, И Ши определился с целью. Хуайцзян — название намекало, что девушки там нежны, как воды реки Хуай. Это был самый крупный бордель, логово, где богачи тратили золото. Ходили легенды о том, как знатные господа швыряли тысячи лян, лишь бы мельком увидеть главную куртизанку. Разумеется, статус заведения был очень высок. В древности бордели делились на уровни, и в элитных ты мог смотреть, но не мог прикоснуться. На словах — только искусство, всё зависит от таланта гостя. Но разве заработаешь много, если не продавать тело? Это лишь способ поднять престиж, взвинтить цены и стричь купоны с землевладельцев. В Хуайцзяне девушки были талантливы не меньше мужчин. И Ши решил найти там девушку-крупье.

— Господин, говорят, Хуайцзян готовится к участию в Поэтическом пире Хуайцзян. — Янь Ин обронила важную деталь.

— Как они собираются участвовать?

Земли Хуай назывались так из-за реки Хуай. И Ши догадывался, зачем куртизанки идут на пир: чтобы поднять свою цену и прославиться. Янь Ин снова расспросила информаторов, и только тогда И Ши понял цепочку отношений. Хочешь приударить за девушкой в Хуайцзяне — приноси стихи. Только если твоя поэзия получит одобрение, появится шанс оказаться с ней в одной комнате. И то — лишь посидеть, максимум — послушать музыку или посмотреть танец.

Если же твои стихи будут потрясающими, ты мог завоевать «цветочный шар». Это правило Хуайцзяна: один шар в день, достаётся только гениальному поэту. Владелец шара мог потребовать от главной куртизанки исполнения одного желания, включая ночь любви. Взамен стихи становились собственностью девушки. Взаимная выгода: мужчина получает славу и женщину, женщина — стихи, повышающие её статус.

— Янь Ин, готовься, вечером идём в Хуайцзян.

Вечерний Бяньцзян был прекраснее, чем представлял И Ши. Как один из самых процветающих городов Поздней Цинь, он сиял, словно фейерверк, в отличие от строгого и унылого Тайцзина или пустынного запада. С высоты город казался морем огней, на улицах было полно людей, дети бегали с фонариками.

Здание Хуайцзян было ещё красивее: оно стояло прямо у реки, и яркие огни отражались в бегущей воде. Река была спокойна, но в самом ресторане царил шум. Смех женщин, декламация стихов мужчинами — где-то нежно, где-то по-мужски дерзко. И Ши впервые видел древний бордель. Статус действительно высокий! Даже глядя со стороны, можно было заметить отличие от ночных клубов его прошлой жизни. Там всё было пропитано

вульгарностью, а здесь — изяществом.

— Гость, вы пришли выпить? Проходите, проходите, — у входа стояли пожилые женщины, видимо, бывшие работницы, которые уже не пели и не танцевали.

— Сколько главных куртизанок сегодня принимает гостей? — И Ши снял шляпу.

— Ой! Какой красивый господин! Проходите, сегодня все наши красавицы здесь.

Она увидела И Ши и её глаза загорелись, она хотела схватить его за руку. Янь Ин, заметив это, нахмурилась: господин принадлежит Его Высочеству, нельзя позволять кому попало его трогать. Она опередила женщину и взяла И Ши под руку.

Женщина замерла, мгновенно всё поняла и подмигнула И Ши:

— Господин, в Хуайцзян не принято приходить со своими спутницами.

— А почему я не могу войти?! — Янь Ин была недовольна.

— Девушка, не сердитесь, конечно, можно, проходите...

И Ши уверенно вошёл, Ши Дачжуан и остальные последовали за ним.

— Что она имела в виду? — не поняла Янь Ин.

— Боялась, что ты затмишь их куртизанок, и они почувствуют себя неловко. — И Ши рассмеялся.

— Пф, я точно красивее их.

Хуайцзян был огромен, словно большая корпорация. Девушки в зелёных одеждах были «зелёными табличками» — средняя внешность, умеют играть на цитре и танцевать. Их услуги стоили дешевле. «Жёлтые таблички» были выше рангом — красивее и дороже. Даже самая дешёвая «зелёная» стоила несколько лян за ночь. В пересчёте на деньги прошлой жизни — десятки тысяч за одну ночь!

Все богачи и таланты собрались в центре, где стояли четыре павильона, закрытые красным шёлком — лиц не было видно, только изящные силуэты. Должно быть, это и были главные куртизанки.

— И правда красавицы, когда же у меня будет такая жена, — Ши Дачжуан и его люди пускали

слюни.

— Оставь мечты, чтобы выкупить главную куртизанку, нужны тысячи лян, у тебя есть такие деньги? — И Ши усмехнулся.

Харизма, фигура, внешность, талант — всё на высшем уровне. И Ши мельком глянул на цены и ахнул. Ого! Дороже, чем вино в моём ресторане! Открывать бордель — это как собирать серебро с земли, быстрее, чем где-либо! Чай здесь стоил дороже, чем «Занавес воды». И Ши лишился дара речи — настоящее логово транжир.

— Сегодня для меня честь разделить этот досуг с вами, господа, — нежно произнесла одна из куртизанок.

Внизу толпа подхалимов принялась наперебой твердить, что это для них честь. После обмена любезностями куртизанки показали свои таланты.

— Дачжуан, кто из них тебе нравится? — И Ши был заинтригован. Это интереснее, чем в саунах прошлой жизни.

— Хе-хе, господин, мне нравится та, по имени Инхуа.

— О? Почему? — они перешли к вечной теме всех мужчин — обсуждению женщин.

— Господин, послушайте, какой у неё голос, прямо как у лисицы-оборотня, так и манит! — Ши Дачжуан высказался прямо.

Рядом стоящий книжник возмутился:

— Что вы такое говорите? Грубияны!

Ши Дачжуан сплюнул:

— Не твоё дело! Я просто высказал мнение.

И Ши промолчал. Книжник выглядел бедновато, но всё равно лез в Хуайцзян. Либо хотел прославиться, либо надеялся на чудо. Но без денег и таланта его богиня достанется другому.

— Господин, а кто нравится вам? — спросил Ши Дачжуан.

И Ши осторожно взглянул на Янь Ин, которая ела фрукты, и прошептал:

— Мне больше нравится госпожа Сяовань.

— Почему?

И Ши снова глянул на Янь Ин, убедившись, что она не слышит:

— По голосу можно понять характер. Мне нравится её мягкая женственность.

У Ли Сяовань был потрясающий голос — чуть хриловатый, нежный, но с магнетизмом. Это была внутренняя притягательность, от которой трудно устоять.

— Вот оно что! — Ши Дачжуан всё понял.

Они продолжали шептаться, не зная, что Янь Ин с самого начала прислушивалась. Когда куртизанки закончили выступление, наступила очередь гостей. Бедные книжники и знатные таланты встали, чтобы прочесть стихи. Даже если нельзя было уединиться, просто получить похвалу — уже почётно.

— Я написал стихотворение в честь госпожи Инхуа...

— Я, недостойный, осмелюсь представить свои строки...

И Ши заметил, что все рвутся к другим куртизанкам, а Ли Сяовань почти не получает стихов.

— Дачжуан, узнай у кого-нибудь, в чём дело?

— Есть!

Оказалось, Ли Сяовань не любила обычные любовные стихи или пейзажную лирику. Никто не знал, что ей нравится, поэтому её редко преследовали. Дождавшись паузы, И Ши вышел вперёд.

— У меня есть стихотворение, хотел бы просить госпожу Сяовань оценить его.

Его появление затмило остальных. Ничего не напишешь, красавцам всегда завидуют.

— Для меня это честь, — спокойно ответила Ли Сяовань и велела служанке забрать листок. Служанка покраснела, впервые видя такого красавца.

Ли Сяовань медленно прочла своим сексуальным голосом:

— Опершись на перила башни, смотрю, как ветер колышет траву... Тоска по весне рождается на краю неба...

В зале воцарилась тишина. Это было не то, что пели остальные. Это была тоска, разлука, печаль — то, что этим книжникам было не под силу.

— Хочу забыться в вине, но даже в песне нет радости... Одежда становится свободной, но я не жалею — ради тебя я исхудал и постарел.

Глубокая печаль накрыла зал, все замолчали. И Ши слегка улыбнулся. Он не умел писать стихи, но умел копировать. Лю Юн был его любимым поэтом — человек, который не был красавцем, но своим талантом заставлял женщин следовать за собой до конца. Его стихи были полны нежности, чувственности и музыкальности. Куда уж этим местным талантам до него!

— Господин... ваша возлюбленная в порядке? — Ли Сяовань тихо вздохнула.

— Не буду скрывать, в голодные годы мы разлучились пять лет назад. Не знаю, жива ли она, но, по иронии судьбы, её тоже звали Ли Сяовань.

Ши Дачжуан открыл рот от изумления. Чёрт возьми, господин, да вы мастер обольщения!

Силуэт за шёлком слегка вздрогнул, и лишь спустя время она мягко произнесла:

— Бывает же такое совпадение?

— Вчера был её день рождения, и за пять лет тоски я написал эти строки.

— Господин, вы впервые в Хуайцзяне?

— Да. Я вынужден признать силу судьбы. Сегодня я дарю эти стихи вам, госпожа Сяовань.

Красавица за шёлком прикрыла рот рукой, не зная, улыбнуться или расплакаться от чувств:

— Благодарю за прекрасный дар. Не желаете ли пройти в мой павильон?

На И Ши устремились тысячи завистливых взглядов.

<http://bllate.org/book/18529/1782343>